

Нина Садур

Синяя рука

Посвящается Марье Ивановне

Марья Ивановна возненавидела Валу, новую соседку. Валя была худенькая, слабенькая, любила выпить винца, бывали у нее и мужчины. А Марья Ивановна отсидела в тюрьме за воровство и всех возненавидела, кто не сидел. Она навсегда испугалась, перекалечилась этой тюрьмой, но воровать хочет, а остальные пороки ей кажутся плохими. Тем более Валя молодая и слабая. У Марьи Ивановны был муж Иван Петрович, которого она заставляла ссать на пол в туалете, когда дежурство было Валино. Иван Петрович покорно ссал, но сердце у него было доброе. У него было шесть пальцев. На правой руке большой палец в верхней фаланге раздваивался на два маленьких никчемных пальчика. У них была дочь. У дочери был муж. И у них была дочь — внучка Марьи Ивановны. Их было много, а Валя была одна, худенькая, испуганная, пьющая молодка.

В чем заключалась травля. Марья Ивановна обещала уступить место для вешалки, но не уступила, а поставила еще один шкаф, раз она такая пьяница. В кладовке она тоже чего-то своего набросала плотно, чтоб Валина картошка задохнулась там от химикатов. Потом она еще двигала боками, сопела, стонала, приседала и топала, восклицая: «Гос-споди!» Она говорила, что на ней висели миллионы и пол-Москвы свидетели, что ей дают горки золота, она смотрит и отдает назад, ничего не ворует. Она обращалась к Вале высокомерным, тупым и хамским способом и ждала, что Валя ответит. Так как Валя молча прижималась к стенке, то Марья Ивановна чернела, что не может заорать всюю, и начинала приседать и стонать, видимо помня, как на ней висели миллионы рублей. Валя еще больше прижималась к грязной стенке и заводила глаза вверх. Потолок был желтый древней желтизной, а Марья Ивановна приседала, поближе к Вале, и старый паркет выскакивал из ячеек и летел от приседания и недостатка ремонта. Вот. А когда к Вале приходили мужчины, Марья Ивановна, еще у себя застонав, вываливалась в коридор, вывалив глаза, и садилась на общественный стул — подслушивать, даже если кино по телевизору или у нее самой гости, она все бросала ради Вали, ее любовных всхлипов за тонкой и грязной стеной. Марья Ивановна вываливалась так, будто ее кто-то держал в комнате и она после борьбы вываливалась, вспученная и терпеливая насчет времени, которое она отсидит у всех на виду под любовной Валиной дверью.

И вот у Вали стал болеть затылок. Как только она понервничает от Марьи Ивановны, то от шеи к затылку поднимается горячая струя боли, и все сильнее с каждым разом. И руки при этом холодеют, бледнеют до синюшности. Валя думает: «Я же знаю, что у нее климакс, что она из тюрьмы, где с ней вытворяли, что она дура, у нее сало в голове вместо мозга, муж импотент, хоть и шестипалый, ничего у нее нет и никакие миллионы на ней не висели, у нее даже дочь кассирша, а зять ночной директор овощного магазина, они даже внучке будущего не обеспечили, кроме овощей, а у внучки талант к легкой атлетике, но они и талант растоптали своими приседаниями и стопами. Так что же я-то страдаю-то?!» Надо не обращать на нее внимания, будто она вошка, клоп. Но ничего не получалось. Она не знала, как отвечать Марье Ивановне; как суметь рыкнуть, она была истощенная от вина и любви. И тогда она стала представлять, как Марья Ивановна попадает в различные

катастрофы, как ей кто-нибудь пинает в задницу, как она ползает в крови и ищет свои очки, как ее вешают на тюремном дворе под тревожную дробь барабана, а прямая кишка у нее выпадает и кишку хоронят отдельно, а ее снимают, откачивают, делают дыхание, вливают бренди, а потом, как она глаза откроет, заставляют встать, похоронить свою кишку, а потом снова вешают.

Немного стало легче от этого. Но у Вали прекратилась всякая жизнь, даже вино. И на лице у Вали выросли бородавки. Они свисали гроздьями с левого глаза и еще на губе и подбородке.

Марья Ивановна успокоилась и однажды, весело поблескивая очками, глядя, как Валя чистит картофель, у Марьи Ивановны что-то защемило в душе, и она грубовато-просто дала ей две оладушки, румяные, пышные и веселенькие.

Валя отнесла оладьи к себе, положила на стол и стала скрипеть зубами.

И вот они легли в эту ночь. Все затихло в мирном сне. Вдруг Марья Ивановна просыпается, чувствует тревогу, смотрит — штора на окне шевелится. Она думает: «Что такое?» Подошла, а из складок шторы к ней протянулась синяя рука. Марья Ивановна хотела отпрыгнуть, но рука схватила ее за пухлое горло и стала душить. Марья Ивановна захрипела и стала шевелить пальцами и выдергиваться, но рука сжимала все сильнее, и в глазах поплыли похоронные огни.

А утром Иван Петрович просыпается, завтрака нет, никто не орет, не приседает. Он входит, смотрит — Марья Ивановна лежит мертвая, а на шее у нее отпечатались синяя рука.

Бросились к Вале, но ее и след простыл, только ночная рубашка лежит в смятой постели.

Взяли рубашку, а она в их пальцах рассыпалась в прах.